

М.С. Тысячнюк

МОБИЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ДЖОНА УРРИ

Статья представляет собой обзор наиболее значимых работ Джона Урри — основателя нового социологического направления под названием «мобильная социология». Обсуждаются основные понятия и методы мобильной социологии; разработки Урри сравниваются с теорией Мануэля Кастельса; рассматриваются возможности применения методов мобильной социологии к социально-экологическому анализу. Обсуждаются перспективы мобильной социологии для развития теории «жержнова производства» Алана Шнайберга и экологической модернизации Артура Мола. В заключение делается вывод, что достижения мобильной социологии внесут большой вклад в развитие экологической социологии как субдисциплины.

Джон Урри — основатель нового социологического направления «мобильная социология» (mobile sociology), которая изучает глобальные изменения и предлагает новые методы исследований, что делает его идеи важными как для социологов, так и для представителей других дисциплин. Еще в 90-е гг. XX в. он написал статью «Пристальный взгляд туриста» (Urry 1990), где проанализировал, как различные места массового международного туристического отдыха конкурируют между собой, стараясь привлечь как можно больше туристов.

Впоследствии Урри в книге «Потребление мест отдыха» (Urry 1995) рассмотрел, как люди становятся глобальными потребителями мест отдыха по всему миру. Они едут в определенные места, часто находящиеся очень далеко от территории их постоянного проживания, но ставшие символами успешного туризма. Это движение образует потоки, которые очень сильно меняют всемирные курорты и формируют мобильную экономику.

В 1998 г. Урри была написана статья «Глобализация и гражданство» (Urry 1998), в которой он анализирует процессы глобализации, выделяя несколько направлений. Первое направление — это глобализация стратегий, используемых транснациональными корпорациями (ТНК), которые характеризуются отсутствием принадлежности к каким-либо национальным государствам или национальным экономикам. Второе направление — это глобализация имиджей, например, реклама одних и тех же товаров по всему миру. Характерным примером глобализации имиджа является использование эмблемы в виде изображения Земли или глобуса, что презентуется как принадлежность ко всей планете. Третье направление — это глобализация идеологий, например, группы с определенными экономическими интересами, заинтересованные продвигать капитализм по всему миру, выдвигают лозунги, что глобализация

неизбежна, а национальные государства не должны регулировать глобальные рынки. Четвертое направление — это глобализация политической мобилизации, когда определенные группы начинают характеризовать ряд проблем как глобальные. Например, утилизация используемых в энергетике радиоактивных веществ презентуется антиядерными НГО, как глобальная проблема, поскольку в настоящее время не существует безопасной технологии переработки и захоронения отходов, и они перевозятся из одних стран в другие.

И, наконец, пятое направление, это глобализация русел потоков. Остановимся кратко на термине «русло», введенном Урри. В данном контексте оно используется для обозначения английского слова «scarpe», которое в свою очередь является усеченным от «landscape» (ландшафт), где отделение слова «land» (земля) от слова «scarpe» (вид, пейзаж) характеризует отсутствие привязки термина «scarpe» к географическому пространству. Использование слова «scarpe» в англоязычном оригинале метафорично, а, как известно, метафоры не всегда возможно напрямую переносить из одного языка в другой, так как они отражают культурную специфику. На мой взгляд, слово «русло» наиболее точно отражает суть того, что Урри имеет в виду под термином «scarpe».

Термином «русло» Урри обозначает сети, включающие всевозможные машины, технологии, документы и т. п. В месте пересечения подобные русла образуют взаимосвязанные узлы. При этом потоки, текущие по руслам, пересекают как географические пространства государств, так и виртуальные пространства обществ. Образами основных глобальных русел служат транспортные системы, различные системы связи, глобально-информационные системы (ГИС) и т. п.

Во всех перечисленных работах Урри обосновывает концепцию образования пространства потоков из символов (sign), которыми обозначаются материальные и нематериальные объекты в совокупности с людьми — субъектами. Потоки передвигаются по руслам и вызывают реорганизацию капиталистических обществ. Он утверждает, что происходит сдвиг от социального порядка (власти людей) к информационному и коммуникационному порядку, от национального управления к глобальной дезорганизации. Этот сдвиг характеризует мобильную экономику, которая, в свою очередь, продуцирует изменение границ того, что понимается под глобальным и локальным.

В 2000 г. Урри написал основополагающую статью «Мобильная социология» (Urry 2000a) и книгу «Социология за пределами общества» (Urry 2000b). В них он рассматривает и переосмысляет социологию как науку, предсказывает, какой будет социология в XXI в. и раскрывает новые механизмы ее развития. Урри утверждает, что социология как дисциплина в XXI в. столкнется с необходимостью осмысления и теоретизирования по поводу постоянного перемещения людских и символическо-материальных потоков. При этом он отмечает, что некоторые перемещения не всегда желательны, как, например, движение мусора.

В мобильной социологии очень трудно работать с метафорой «общество», поскольку трудно установить границы того или иного общества. Отрицаем ли мы понятие «общество»? Что стоит за пределами общества? Такие вопросы задает Урри и ставит перед мобильной социологией задачи проанализировать эффекты корпоративности, воображаемую или виртуальную мобильность людей, передвигающихся на работу и отдых, для поддержки своих диаспор и избежания всяческих рисков (см. Социология за пределами общества гл. 3, 6).

Задачей социологии станет осмысление взаимопроникновения и связи этих многочисленных передвижений (мобильностей). Мобильности неизбежно трансформируют исторически сложившийся предмет социологических исследований. Если до недавнего времени социология фокусировалась на исследовании различных обществ и их характеристик, то мобильная социология развивает постобщественное направление и анализирует, как глобальные сети и потоки изменяют социальные структуры и их конструируют. Новый социологический метод определяет снижение

роли национальных обществ, которые всегда представляли базовый контекст для «обычной» социологии.

Раньше социология рассматривала национальные, региональные и местные социальные общности: государство рассматривалось как суверенное, правительственное и гражданское как принадлежащие определенной стране. При этом национальное государство через свое законодательство организовывало защиту прав граждан и выполнение ими своих обязанностей. Урри называет такое государство «государством-садовником».

Подобно тому, как садовник регулирует посадки: определяет, что и когда сажать, какие сорняки убирать, когда и какие плоды собирать, национальное государство-садовник уделяет большое внимание регулированию общества законодательством. При этом и социальные науки в целом, и социология в частности, являлись механизмом придания смысла такому обществу, облегчая «садоводство» или выращивание человеческих ресурсов общества. Социология рефлексировала, что должно культивироваться, и какие условия необходимы для выращивания определенных видов обществ.

По мнению Урри, при глобализации государство теряет роль «садовника» и принимает роль «лесничего», который с помощью «егерей» управляет мобильностью и регулирует миграцию «дичи» в пределах контролируемой и охраняемой территории. Т. е. государство все больше теряет желание быть «садовником» своего общества, а желает с наименьшими усилиями регулировать перемещения своих граждан. «Государство-лесничий» заинтересовано, чтобы у него в момент «охоты» было достаточно «дичи». В случае, если «дичи» становится мало, «государство-лесничий» готово разводиться ее, подкармливать, ухаживать, но только до тех пор, пока ситуация не нормализуется. Урри утверждает, что в настоящее время все передвижения людей, капитала, культуры и технологий происходят вопреки регулирующим усилиям национальных государств.

Ярким примером «государств-садовников» Урри считает бывшие социалистические государства Восточной Европы во главе с «суперсадовником» СССР. В период холодной войны были выстроены прочные барьеры между ними и западными странами, что затрудняло даже культурные коммуникации. Это была социальная лаборатория, развивающая концепцию общества и роли в нем «государства-садовника». Но с падением Берлинской стены и развалом СССР эти общества подверглись влиянию разнообразных новых для них потоков, и дальнейшее замораживание передвижения людей и культур в Восточной Европе стало невозможным. Влияние Запада помогло гражданам этих государств выстроить новую идентичность и сконструировать коллективную память, а также найти новые пути развития и обрести новое понимание себя как общности.

Далее Урри отмечает, что в социологии социальное взаимодействие всегда рассматривалось в рамках пространственно-временных границ. Такое рассмотрение предполагало, что именно национальное государство определяет социальную организацию и социальные шансы индивидов. Считалось, что социальная структура общества определяется не только материальными, но и культурными компонентами: члены такого общества конструируют общую идентичность, которая определяется историей, культурой, языком и верой. Такое представление об обществе господствовало в социологии на протяжении последних двух веков и привело к созданию конструкта идентичности, в которой индивид, чтобы быть полноценным членом общества, должен иметь какую-либо национальную принадлежность. Но теперь «новая» социология рассматривает мобильные общности людей, включенных в потоки. Эти потоки пересекают внешние и внутренние границы обществ и создают новые временные и пространственные координаты.

Урри отмечает, что мобильность в большей степени горизонтальна, чем вертикальна. Поэтому мобильная социология пересматривает такие социальные категории, как класс, семья, гендерные отношения и т. д. Например, если женщина из му-

сультманской страны получила возможность работать в США, а муж нет, в такой семье, в случае переезда, могут радикально измениться гендерные роли, жена будет работать, а муж ухаживать за детьми. Таким образом, потоки людей определяются их различными стремлениями найти работу, жилье, развлечения, религию, семью вне границ национального государства. При этом они перемещают не только себя, но и материальные объекты — символы, в том числе информацию.

Книга Урри «Социология за пределами общества» развивает многие аспекты и концепции сетевого общества, изложенные Мануэлем Кастельсом в трилогии «Информационный век» (Castells 1996, 1997, 1998). Пространство потоков как новый слой сетевого общества анализируется Кастельсом в терминах власти. Он утверждает, что пространство потоков доминирует над социальными практиками, поэтому действие потоков становится близко функциям власти. В этой книге Кастельс показывает, как глобальные сети и потоки трансформируют саму природу социальной жизни людей, которая уже не может представляться в пределах границы одной страны.

Урри, основываясь на этой концепции, предлагает ввести в нее новые социологические методы, которые помогли бы осмыслить дезорганизацию, глобальные потоки и уменьшающуюся значимость национального государства. Он рассматривает социальные сети как новую социальную морфологию обществ, где диффузия сетевой логики модифицирует процессы производства, структуры власти, опыт и культуру. Социальная морфология сетей может быть важнее, чем социальное действие.

Кастельс определяет, что в сети имеются взаимосвязанные узлы. В том случае, если люди находятся в узлах сети, они значительно больше вовлечены в глобализационные процессы, чем люди за пределами этих узлов. Социальные сети при этом состоят не только из людей, а включают также информационные и другие технологии, которые создают материальную базу, определяющую морфологию сетей.

Последние, по мнению Урри, продуцируют комплексные связи между людьми и вещами с дальнейшим их взаимным слиянием и образованием русла. Урри приводит 5 типов русел. Первый — это системы морского, железнодорожного, автомобильного и авиационного транспорта. Второй, это системы грузоперевозок, в том числе почтовая система. Третий, это кабельная система — телефонная, телевизионная и компьютерная, которая передает информацию и транслирует имиджи. Четвертый, это наземные и околоземные радиоволновые передачи информации, изображений и звука. Пятый — это спутниковые или внеземные радиоволновые и другие передачи символов.

Русла меняют пространственно-временные характеристики. Когда русла образованы, и траектории движения их потоков устоялись, тогда индивиды и особенно ТНК стремятся установить связь с этими руслами. ТНК обычно располагаются в местах, где есть аэропорты и большой поток перемещающихся через них людей, вещей и информации. Учебные заведения подключаются к Интернету. Индивиды приобретают телевизоры с большим количеством каналов. На перекрестке потоков, образующих сетевой узел, находятся и города.

По определенным руслам перемещается огромное количество различных потоков людей, информации, технологий, машин и вещей. В то же время, в местах, удаленных от основных русел и узлов, находится достаточно много людей, которые не установили с этими руслами и узлами никакой связи. Это рождает новое неравенство между людьми, пользующимися различными потоками. И если «старая» социология смотрит на это как на статическую картину, то мобильная социология смотрит на людей в зависимости от степени и динамики их включенности в тот или иной поток.

Урри цитирует Ульриха Бека (Beck 1992, 1998), утверждая, что социально-пространственные траектории не аналогичны. Те траектории, где проходят телекоммуникационные и транспортные связи, изменяют представления о пространстве и времени и создают информационно насыщенные туннели. При этом происходит изменение функций и значения территории, по которым они протекают.

Урри разделяет понятия «глобальные потоки» и «глобальные сети». Например, такие корпорации, как Макдональд, Кока-Кола и Экспресс-почта, являются сетями. В таких сетях в виде технологий, навыков и текстов одинаковый продукт переносится в места, контролируемые ТНК. Продукт производится в просчитанной, рутинизированной, стандартизированной, предсказуемой форме. При этом громадные ресурсы отводятся на рекламу, контроль качества, тренинг персонала, распространение корпоративного имиджа для сохранения постоянства формы.

В этом случае расстояние измеряется временем, которое требуется, чтобы попасть из одного узла глобальной сети в следующий. Такими же сетевыми свойствами обладают не только ТНК, но и крупные международные природоохранные неправительственные и некоммерческие общественные организации (экоНГО). Например, Гринпис имеет глобальную стратегию, проводит стандартизированные кампании и акции, культивирует имидж бескомпромиссной экоНПО во всех странах, где располагаются его офисы.

Картина движения в глобальных потоках отличается от картины движения в глобальных сетях. Глобальные потоки гетерогенны, непредсказуемы в плане мобильности людей, информации, денег, рисков, которые передвигаются хаотично через границы государств и регионов. У глобальных потоков нет определенной пространственно-временной точки, которой они должны достичь. Но, тем не менее, они влияют на структуру и функции различных русел. Урри сравнивает потоки в руслах с кровеносной системой, автору же данной рецензии представляется более правомерной аналогия с лимфатической системой, где имеются лимфатические узлы и проницаемые протоки.

Глобальные потоки имеют различные временные параметры, поскольку в различных потоках различная интенсивность движения людей, информации и предметов. Различные потоки пространственно и виртуально пересекаются, например, в аэропортах, отелях, банках, Интернет-сайтах, кабельном телевидении, банковских счетах, ресторанах и т.п., но при этом, если и объединяются, то только частично и временно.

Поскольку все потоки представляют собой гибриды субъектов и объектов, то людям трудно оценить значение, смысл и социальную роль процессов в пространстве потоков, потому что сами люди не всегда являются определяющей силой потока, а некоторые нематериальные составляющие потока определяют поведение и движение людей. Поэтому в мобильной социологии особое внимание уделяется отношениям «субъект-объект», при этом мир людей и мир физических объектов не разделяется. Нельзя отделить природу от человека, нельзя отделить искусственно созданные предметы или вещи от человека, и наоборот. Люди в отрыве от объектов не способны придать смысл потоку, поэтому «чистой» социальной реальности фактически не существует. Таким образом, нельзя рассматривать людей как создателей общества и нельзя рассматривать общество как институт, формирующий людей, как это было в «старой» социологии. Поэтому Урри считает, что традиционное понимание термина «общество» постепенно выйдет из дискурса.

Урри предлагает в рамках новых социологических методов изучать значения метафор, метафорическое мышление и метафорический язык. Социологическое исследование не может проходить без изучения метафор, поскольку метафора имеет интегрированную связь как с человеческим языком, так и с вещами. Такие метафоры, как «глобальная деревня», «ледниковый период», «диаспора», «чужаки», «картирование», «освоение», «государство-садовник» и «государство-лесничий» отражают глобальные процессы. В их характеристиках все больше выступают такие пространственные формации, как Земной шар и Космос, что повышает их роль и значимость. Метафоры «сети» и «потоки» также стали частью языка глобальности.

По мнению Урри, изучение метафорического языка помогает объяснить социальные процессы в глобальном мире. Поэтому нужно осознать и интерпретировать взаимопроникновение метафор «национальное» и «зарубежное», «национальные

проблемы» и «зарубежные проблемы». Такие метафоры, как «идентичность» и «социальные практики», также надо рассматривать в глобальном контексте, в отрыве от какого-либо гражданства. Именно такие задачи, по мнению Урри, стоят перед социологией как наукой в XXI в.

В книге «Социология за пределами общества». Урри подчеркивает, что новая социология должна считать материальные объекты акторами, а слияние субъектов и объектов — движущими силами социальных изменений (см. гл. 4). Новая социология направлена на изучение того, как:

- сети и потоки связаны в пространстве и времени (см. гл. 2, 3, 5);
- класс, гендер и этничность будут определяться под влиянием многообразных перемещений (см. гл. 5, 6, 8);
- мобильность людей, вещей, имиджей, рисков и т. д. влияют на то, как люди меняют место жительства (см. гл. 6);
- постоянные миграции и перемещения меняют понятие «гражданство», а также права и обязанности «гражданина» (см. гл. 7);
- нелинейные последствия могут проявляться вдали от породившего их источника (см. гл. 5, 8).

В своей следующей книге «Глобальные комплексности» (Urri 2003) Урри уделяет большое внимание обратным связям, взаимодействие между которыми нелинейно. В этой книге проводится мысль, что во всех глобальных системах сочетается организация и дезорганизация, а также глобальные системы характеризуются непредсказуемостью и отсутствием сбалансированности.

Теория глобальных систем, предлагаемая Урри, тесно связана с теорией рефлексивной модернизации. Урри утверждает, что в современном мире системы коммуникации и информации составляют основу повышающейся рефлексивности. Глобализация порождает новые институты, которые служат для осуществления функции рефлексивности, например, институты экспертизы по оценке локальных и глобальных изменений. При этом научный мониторинг отражается в культурной индустрии, которая формирует новые символы.

Рефлексивная модернизация развивается под влиянием глобальных потоков и космополитичности вовлеченных в них людей. Космополитизм вытесняет культурную и национальную рефлексивность в контексте глобальных изменений. Происходит переосмысление и перемещение научной дискуссии от метафоры «общества риска» Бека (Beck 1992) к «культуре риска», которая оперирует трансграничными рисками, такими как, например, международный терроризм, загрязнение мирового океана, природные катаклизмы. Мир, организованный человечеством, балансирует на границе с хаосом. Культура риска не всегда несет отрицательную коннотацию, она также включает риски, которые несет с собой любой процесс инноваций при их внедрении, например, генетически модифицированные организмы (ГМО).

Таким образом, мир переживает сдвиг от модернизации и постмодернизации к рефлексивной модернизации, и от обществ — к сетям и потокам. Если концепты Кастельса связывают актора с локализацией, то Урри рассматривает проблемы в потоках, которые у него лишены точных пространственно-временных параметров. Книга Урри «Глобальные комплексности» больше похожа на философскую, чем на социологическую. Изложенные в ней теории тяжело операционализировать и/или руководствоваться ими при проведении исследований. Поэтому автор рецензии для проведения полевых исследований предлагает опираться на теорию Кастельса и на ранние работы Урри, которые, с одной стороны, не отрывают социолога от локальности, с другой, обосновывают необходимость большого количества поездок в различные точки для изучения взаимоотношений глобальных акторов.

Книги и статьи Урри в настоящее время широко цитируются и интерпретируются различными исследователями. Его идеи особенно популярны в среде экологи-

ческих социологов. Артур Мол и Герт Спааргарен (Mol, Spaargaren 2003), развивающие теорию экологической модернизации, также работают в традиции социологии сетей и потоков. Они, так же, как и Урри, утверждают, что социология находится в состоянии изменения парадигмы.

Последний раз социологические подходы менялись Гидденсом, когда он в 1984 г. в книге «Конституция общества» (Giddens 1984) писал, что социология XIX в., основанная на взглядах и теориях Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма, должна быть реинтерпретирована, чтобы быть способной теоретизировать послевоенное общество середины XX в. Он утверждал, что осмыслить послевоенное время можно только, если отойти от классической социологии и использовать новые социологические подходы.

Аналогичным образом Кастельс и Урри утверждают, что понять социальные процессы конца XX – начала XXI в. можно только, если переосмыслить социологические методы и концепции середины XX в. Так же считают и многие другие современные социологи. В их работах утверждается, что глобализация и информационные технологии реконструируют мир настолько, что социология, которая понимает общество как государство, становится устаревшей (Touraine 2003; Smelser 2003; Sassen 2002; Martinelli 2003; Макарычев 2003). Они рассматривают новую социальную морфологию сетевого общества и предлагают анализировать новые социальные институты. По мнению Мола, Спааргарена и автора рецензии, экологические социологи в настоящее время, благодаря концепции сетей и потоков, выйдут из маргинального состояния субдисциплины в доминирующее направление социологии, потому что у них уже сделано много работы в рамках теории сетей и потоков.

Экология традиционно изучала потоки вещества и энергии. Например, Рейчел Карлсон (Carlson 1997) в 1962 г. говорила о потоке пестицидов по цепи питания и объясняла, каким образом пестициды попадают на вершину пищевой цепи и вызывают рак у людей. Экологические социологи и экологи уже работали по изучению сетей и потоков, в то время как Урри только призывает этим заняться.

В традиции экологов и экологических социологов всегда был двоякий подход в изучении экологических потоков. Во-первых, они проводили анализ экологических потоков в терминах биологических наук и использовали биофизические термины, соединяя биологические и физические объекты. Например, под биогеоценозом понимается комплекс биоты (живые объекты) и абиоты (неживые объекты), неотъемлемой частью которого являются потоки вещества и энергии (круговорот веществ в природе). Во-вторых, экологи проводили анализ экологических потоков в терминах социальных наук, оценивая эффекты процессов модернизации и трансформации социальных институтов на состояние окружающей среды.

Экологическая социология с самого начала была мульти- и междисциплинарна и ориентирована на требования экологической политики. Именно поэтому не возникло серьезных барьеров между экологией и экологической социологией. На стыке экологии и экологической социологии возникли такие субдисциплины, как индустриальная экология, социальная экология и экологический системный анализ.

Во всех этих субдисциплинах ученых интересовали материальные субстанции и потоки в окружающей среде. Примером могут служить модели глобального изменения климата, где рассматривались вызванные человеческой деятельностью глобальные переносы определенных материальных субстанций, вызывающих локальные и глобальные климатические изменения. Потоки различных веществ также рассматривались в моделях загрязнения человеческой деятельностью воздуха, воды и почвы.

В экологической социологии примером анализа материальных и нематериальных потоков, в которых соединяются социальные практики и институты, может служить теория «жерновов производства» (treadmill of production) Алана Шнайберга. В 1980 г. он интерпретировал процессы и последствия капиталистической деятельности в терминах «добавок» (additions) и «извлечений» (withdrawals) (Schnaiberg 1980). Он

утверждал, что капиталистическое общество повинно в появлении в окружающей среде загрязнений («добавок»), использовании невозобновимых и переэксплуатации возобновимых природных ресурсов* («извлечений»). Например, использование нефти и газа невозвратимо.

Шнайберг фокусируется на изучении процессов капиталистического производства и их последствиях, в результате которых состояние окружающей среды ухудшается из-за потоков «добавок» и «извлечений», которые нарушают естественный природный баланс. Он утверждает, что потоки загрязнений и природных ресурсов являются неотъемлемой частью капиталистического общества. В последние годы Шнайберг и Голд развивают теорию «жерновов производства» в контексте глобальных изменений (Schnaiberg, Gould 2000). Они считают, что сети ТНК распространяются в развивающиеся страны и влекут за собой изменения направлений потоков «добавок» и «извлечений». Например, в результате рубок истощаются леса Амазонки, мусор из индустриальных стран направляется в Африку, а доходы от этого получают ТНК.

Теория экологической модернизации, так же, как и теория «жерновов производства», не отрывает анализ социальных практик от анализа материальных потоков. Основная идея этой теории состоит в том, что внедрение технологических инноваций и новых социальных практик может изменить потоки природных ресурсов, энергии, загрязнений и снизить негативное влияние производства на окружающую среду (Mol, Spaargaren 2003).

Хотя теория «жерновов производства» Шнайберга и теория экологической модернизации, развиваемая Молом и Спааргареном, во многом расходятся в понимании динамики институционального развития капиталистического общества и в оценке роли индустриального развития в целом, обе они оперируют понятием «потоки».

В гуманитарных науках в разные времена и в различных социальных теориях материальные объекты то анализировались, то исключались из анализа. С усилением глобализации исключать материальное становилось все труднее, это отмечено Урри в его теории сетей и потоков. Экологические социологи всегда рассматривали субъектов вместе с природными объектами, постоянно использовали экологические потоки как иллюстрацию глобальных потоков. Например, при использовании людьми машин выделяемые при сгорании топлива потоки углекислого газа ускоряют потепление климата. Как мы видим, те концепции, к которым только сейчас приходит социология сетей и потоков, в экологической социологии уже давно сформулированы.

Вместе с тем экологическая социология может использовать новые методы, предлагаемые мобильной социологией. Подходы, предлагаемые Капельсом и Урри, могут помочь интерпретации явлений, изучаемых экологическими социологами. Например, теорию и методологию мобильной социологии можно использовать для изучения рынков экологически чистой продукции, поскольку эти «зеленые» рынки определяются не только экономическими законами, но и законами сетей и потоков.

По мнению автора рецензии, мобильная социология Урри обладает очень большим потенциалом для анализа экологических потоков. То, что уже было достигнуто в мобильной социологии, внесет большой вклад в развивающуюся сейчас экологическую социологию. Поэтому в будущем ученые, работающие в ключе мобильной социологии, и экологические социологи будут находить все больше точек взаимодействия.

---

* К невозобновимым природным ресурсам относятся ресурсы, которые не могут быть восстановлены природой после их изъятия для хозяйственных нужд (нефть, газ, уголь и другие полезные ископаемые), к возобновимым — те ресурсы, которые восстанавливаются природой после их изъятия человеком (леса, вода, воздух, солнечная энергия и т. д.)

Литература

- Макарычев А. Периферийность, окраинность, маргинальность? // *Космополис*. 2003. № 3 (5). С. 30–40
- Beck U. *Risk Society*. London: Sage, 1992.
- Beck U. *Risk Society*. London: Sage, 1992.
- Beck U. *World Risk Society*. Cambridge: Polity, 1998.
- Carlson R. *Silent Spring*. New York: Thorndike Press, 1997 (1962).
- Castells M. *The Information Age: End of Millennium*. Oxford: Blackwell, 1998.
- Castells M. *The Information Age: The Power of Identity*. Oxford: Blackwell, 1997.
- Castells M. *The Information Age: The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell, 1996.
- Giddens A. *The Constitution of Society*. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Martinelli A. Global Order or Divided World Pressures for Continuity in the Context of Globalization // *Current Sociology*. 2003. Vol. 51. No 2. March. P. 95–100.
- Mol A., Spaargaren G. Towards a sociology of environmental flows: a new agenda for 21st century environmental sociology // Paper presented at RC-24 Conference on Governing Environmental Flows. Wageningen, the Netherlands. 2003. June 13–14.
- Sassen S. Global Cities and Diasporic Networks: Microsites in Global Civil Society // *Global Civil Society Yearbook*. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 217–238.
- Schnaiberg A. *The Environment: From Surplus to Scarcity*. New York: Oxford University Press, 1980.
- Schnaiberg A., Gould K. *Environment and Society. The Enduring Conflict*. The Blackburn Press, 2000.
- Smelser N.J. Pressures for Continuity in the Context of Globalization // *Current Sociology*. 2003. Vol. 51. 2. March. P. 101–112.
- Touraine A. Sociology without Societies Pressures for Continuity in the Context of Globalization // *Current Sociology*. 2003. Vol. 51. No 2. March. P. 123–131.
- Urry J. *Consuming Places*. London: Routledge, 1995.
- Urry J. *Global Complexities*. Oxford: Blackwell, 2003.
- Urry J. Globalization and citizenship // Paper given to World Congress of Sociology, Montreal. July 1998. <http://www.comp.lancaster.ac.uk/sociology/soc009ju>.
- Urry J. Mobile Sociology // *British Journal of Sociology*. 2000a. Vol. 51. No 1. January/March. P. 185–203.
- Urry J. *Sociology Beyond Societies*. London: Routledge, 2000b.
- Urry J. *The Tourist Gaze*. London: Sage, 1990.